

УДК 341

**МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В КОНТЕКСТЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТОВ НА
ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ
АСПЕКТ)****Гобозов Вячеслав Федорович,**

доцент кафедры гражданского права

Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова, г. Цхинвал

e-mail: v.gobozov@mail

Аннотация

В статье анализируется российская миротворческая операция в Южной Осетии в 1992-2008 гг. Автор подчеркивает уникальность этой операции, анализируя различные ее аспекты. Особый интерес в этом плане представляет участие в урегулировании грузино-югоосетинских противоречий наряду с Россией Республики Северная Осетия-Алания, являющейся субъектом Российской Федерации. Проводится также сравнительный анализ этой операции с другими аналогичными операциями, которые осуществляла Россия в тот же период на постсоветском пространстве. Анализируя с точки зрения международного права «миротворческую сферу», автор подчеркивает, что она является предметом серьезных разногласий и не существует международно-правовых норм, которые бы оговаривали исключительное право Организации Объединенных Наций на миротворческую деятельность. По его мнению, российская операция по установлению мира в Южной Осетии хоть и не имела мандата ООН, однако по всем признакам являлась миротворческой и была одним из первых в мире примеров многостороннего, комплексного миротворчества «второго поколения» («расширенного» миротворчества).

Ключевые слова: Республика Южная Осетия, Грузия, Россия, Абхазия, Таджикистан, ООН, ОБСЕ, «зона грузино-осетинского конфликта», миротворческая операция, международное право.

**PEACEKEEPING OPERATION IN SOUTH OSSETIA IN THE CONTEXT OF
RUSSIA'S EFFORTS TO RESOLVE CONFLICTS IN THE POST-SOVIET
SPACE (INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS)****Gobozov Vyacheslav Fedorovich,**

Associate Professor of the Department of Civil Law

of the A.A. Tibilov South Ossetian State University, Tskhinval.

e-mail: v.gobozov@mail.ru

ABSTRACT

The article analyzes the Russian peacekeeping operation in South Ossetia in 1992-2008. The author emphasizes the uniqueness of this operation by analyzing various aspects of it. Of particular interest in this regard is the participation of the Republic of North Ossetia-Alania, a constituent entity of the Russian Federation, in the resolution of the Georgian-South Ossetian conflict. The article also provides a comparative analysis of this operation with other similar operations carried out by Russia in the same period in the post-Soviet space. Analyzing the "peacekeeping sphere" from the perspective of international law, the author emphasizes that it is a subject of serious disagreement, and there are no international legal norms that would stipulate the exclusive right of the United Nations to engage in peacekeeping activities. According to the author, although the Russian peacekeeping operation in South Ossetia did not have a UN mandate, it was clearly a peacekeeping operation and was one of the first in the world.

Keywords: Republic of South Ossetia, Georgia, Russia, Abkhazia, Tajikistan, UN, OSCE, Georgian-Ossetian conflict, peacekeeping operation, international law.

14 июля 1992 года началась первая на постсоветском пространстве миротворческая операция. В Южную Осетию были введены трехсторонние миротворческие силы, основу которых составил российский военный контингент.

Правовой основой операции стало заключенное в г. Сочи 24 июня 1992 г. «Соглашение о принципах мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта» (далее – Сочинское (Дагомысское) соглашение), в соответствии с которым учреждалась «смешанная Контрольная комиссия в составе Сторон, вовлеченных в конфликт». Она должна была обеспечить контроль «за прекращением огня, выводом вооруженных формирований, роспуском сил самообороны и обеспечением режима безопасности». При комиссии формировались смешанные силы по установлению мира и поддержанию правопорядка [1].

Сегодня российскую миротворческую операцию в Южной Осетии не без оснований называют уникальной. Особенно часто данный термин применяют, говоря о формате операции. Действительно, трудно найти другой аналогичный факт в международной практике урегулирования противоречий, когда в состав миротворческих сил, вводимых в зону противостояния, входят, в том числе, и вооруженные формирования самих конфликтующих сторон. Обычно поступают с точностью наоборот: вводят «нейтральный» миротворческий контингент – вооруженные формирования третьих стран, не участвовавших в войне. Между тем, в состав Смешанных сил по установлению мира и поддержанию правопорядка в зоне грузино-осетинского конфликта помимо российского батальона входили грузинский и осетинский. Последний хоть и считался североосетинским батальоном, но формировался фактически из жителей Южной Осетии.

Данный формат оказался настолько успешным, что был чуть позже воспроизведен при урегулировании конфликта между Молдовой и Приднестровьем. Причем, здесь в составе миротворческих сил обе стороны конфликта присутствовали уже даже не де-факто, а де-юре.

Интересно и то, что в урегулировании грузино-осетинских противоречий наряду с Россией принимала участие Республика Северная Осетия-Алания. Участие в международных процессах урегулирования субъекта Федерации, а тем более – формирование отдельного североосетинского батальона в составе Смешанных сил, является действительно уникальным явлением.

Операция по установлению мира в зоне грузино-осетинского конфликта являлась одной из четырех подобных операций, осуществлявшихся Россией в 1990-ые годы на постсоветском пространстве. Миротворческие миссии России участвовали в урегулировании противоречий между Грузией и Южной Осетией, Молдовой и Приднестровьем, Грузией и Абхазией, а также в Таджикистане. Нагорный Карабах в данном контексте рассматривать не будем, так как российские миротворцы введены в эту республику недавно.

В Молдове/Приднестровье миротворческая операция началась почти сразу же после ввода миротворцев в Южную Осетию на основе соглашения между Республикой Молдова и РФ «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровье» от 23 июля 1992 г. В соответствии с ним были созданы Объединенная контрольная комиссия и трехсторонние миротворческие силы, в состав которых вошли представители России и конфликтующих сторон. В Таджикистане российские формирования составляли основу Коллективных миротворческих сил СНГ. Они были созданы на совместном заседании глав государств Соддружества в ноябре 1993 г. и осуществляли миротворческую операцию в этой стране под его эгидой. Наконец, в Абхазии российские миротворцы появились в 1994 г. Интересно, что, согласно отчету Генерального секретаря ООН Бутроса Гали от 9 мая 1994 г., предполагалось, что российские военные позднее войдут в состав миротворческого контингента ООН в Абхазии. Однако «голубые каски» Объединенных Наций там так и не появились. Зато Россия добилась от ООН признания своей операции в Абхазии в качестве операции СНГ.

Очевидно, условия проведения указанных операций серьезно разнятся между собой. Две из них (в Таджикистане и Абхазии) являлись региональными миротворческими операциями СНГ, а операция в Приднестровье, так же как и в Южной Осетии, осуществлялась на основе международных соглашений [2]. Фактически каждая из них так же уникальна, как и российская миротворческая миссия в зоне грузино-осетинского конфликта.

В определенной степени это вынужденная уникальность. Россию в 90-ые годы XX века трудно было назвать страной, которая имела достаточный опыт и была готова к проведению миротворческих операций. Она не получила никакого «наследства» в этой сфере от СССР, так как Советский Союз достаточно настороженно относился к миротворческой деятельности ООН. Он либо воздерживался, либо использовал право вето при обсуждении касающихся миротворчества вопросов, практически не финансировал и редко участвовал в операциях ООН по поддержанию мира, которые начались еще в 1948 г. Впервые советские военные наблюдатели были включены в состав миротворческих сил Объединенных Наций только в 1973 г. В 90-ые гг. прошлого века советские, а затем российские представители уже чаще участвовали в миротворческих миссиях ООН (урегулирование конфликта между Ираком и Кувейтом, Западная Сахара, Югославия, Камбоджа, Мозамбик, Руанда и другие). Тем не менее, к началу операции по установлению мира в Южной Осетии у России не было ни общей концепции миротворчества, ни достаточного опыта, ни соответствующих кадров, ни специализированных военных подразделений для осуществления подобных миссий.

В этих условиях Москва имела значительно больше шансов потерпеть фиаско при проведении операций на постсоветском пространстве, чем добиться успеха. Тем не менее, то, что эти операции способствовали прекращению кровопролития, стабилизации обстановки и началу процессов урегулирования противоречий, вынуждены признавать даже убежденные недруги РФ. Основным фактором, предопределившим успешность российских миротворческих миссий, было то, что Москва хорошо знала специфику конфликтных регионов, тщательно учитывала при проведении операций весь комплекс

социально-политических и историко-культурных особенностей, а также специфических причин военного противостояния. В конечном счете, ни в коем случае не оспаривая тезис об уникальности миротворческой операции в Южной Осетии, есть не меньше оснований утверждать, что уникальной была в целом вся миротворческая деятельность России на постсоветском пространстве в конце 1990 – начале 2000 гг.

Здесь уместно напомнить, что «миротворческая сфера» с начала 1990-х гг. по настоящее время является предметом серьезных разногласий между Россией и западными державами, в том числе терминологического характера. Запад не признает миротворческими операции России и Содружества Независимых Государств в Южной Осетии, Приднестровье, Таджикистане и Абхазии, ссылаясь на то, что они не имели мандата ООН. В ответ, Москва указывает, что США и НАТО также без мандата Организации Объединенных Наций осуществляли свои операции в бывшей Югославии в 1999 г. и Ираке в 2003 г., а в Ливии в 2012 г. фактически допустили злоупотребление мандатом ООН [3]. Примечательно при этом, что успешность российских операций по установлению мира в 1990-ые годы резко контрастировала с явным кризисом миротворческих сил Объединенных Наций и провалом миротворческих операций ООН в Югославии, Руанде и Сомали.

С «классической» международно-правовой точки миротворческую деятельность действительно обычно относят к компетенции международных организаций, некоторые даже применяют данное понятие исключительно в отношении ООН [4]. Безусловно, мандат Организации Объединенных Наций имеет большое значение при проведении миротворческих операций, учитывая, что это – фактически единственная универсальная международная организация, членами которой является подавляющее большинство стран мира. В качестве главных ее целей определены «поддержание международного мира и безопасности», «мирное разрешение споров», «действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» [5]. Соответственно, миротворческие силы ООН можно считать одним из основных инструментов достижения указанных целей.

Вместе с тем, не существует международно-правовых норм, которые бы оговаривали исключительное право Организации Объединенных Наций на миротворческую деятельность. Последняя даже не прописана напрямую в Уставе ООН и осуществляется ею, образно говоря, «по умолчанию», или, как в свое время метко заметил Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд, на основе «главы VI с половиной» Устава данной организации. В то же время, главой VIII предусмотрено право региональных акторов на проведение операций по поддержанию международного мира и безопасности, на основе соответствующих соглашений [5]. В последнее время все чаще такие операции осуществляется участниками либо вообще без мандата ООН, либо с его получением постфактум.

Можно согласиться с С.И. Романчуком, что «неопределенность характеристик миротворческой деятельности... создает благоприятные условия для ее различного использования» [2]. Операции ООН по поддержанию мира являются приоритетным, но не единственно возможным и законным миротворческим форматом. Миротворческие операции – гораздо более широкое понятие [6], отличающееся определенными характеристиками [7]. При этом наличие мандата ООН не является тем исключительным классифицирующим признаком, который только и позволяет считать операцию миротворческой. Миротворческие операции – более «старое» явление, чем Организация Объединенных Наций. Они начали проводиться намного раньше ее возникновения. Те же американские эксперты считают, что армия США проводит миротворческие операции с начала XX века [8].

Российская операция по установлению мира в Южной Осетии хоть и не имела мандата ООН (или иной международной организации), однако по всем признакам являлась

миротворческой. Она осуществлялась в полном соответствии с международными правовыми нормами. Легитимность и мандат операции обеспечивались особым Сочинским (Дагомысским) соглашением, составленным на трех языках и подписанным четырьмя сторонами, которое соединяло в себе черты межгосударственного российско-грузинского документа и соглашения между сторонами конфликта. То есть российский военный контингент вводился с согласия (если не сказать – по инициативе) участников конфликта, что полностью соответствует критериям миротворческой операции. Более того, в соответствующих документах, принимаемых консенсусом, на основе которых осуществлялось урегулирование грузино-югоосетинских противоречий, ССПМ прямо обозначаются как «миротворческие силы» [9].

Эти документы подписаны, в том числе, и представителями международных организаций, «при участии» которых шел процесс урегулирования и у которых легитимность упомянутого понятия не вызывала в то время сомнений. Среди них – ОБСЕ, УВКБ ООН, Евросоюз, представители которых на разных этапах включались в урегулирование грузино-югоосетинского противостояния. Миссия ОБСЕ в Грузии фактически даже являлась наряду с РФ одним из инициаторов возобновления работы СКК в 1994 г. При этом Москва не только не возражала против их участия, но и активно выступала за расширение круга международных посредников, включая ООН и другие межгосударственные объединения.

Другой вопрос, что последние сами в тот период не были готовы брать на себя обязательства по урегулированию непонятных и чуждых для них конфликтов. Прошло не так много времени с распада СССР, постсоветское пространство для «дальнего зарубежья» было пока еще *terra incognita*, а причины разгоравшихся там войн – тайной за семью печатями. Поэтому в начале 190-ых гг. ООН и другие международные организации не только не возражали против миротворческих усилий РФ, но даже приветствовали их. Возражения появились позже, когда Запад вплотную приступил к «освоению» постсоветского пространства. Впрочем, отправить миротворцев в данный регион ООН так и не решилась – даже при отсутствии возражений со стороны РФ.

В этой ситуации проведение миротворческих операций на постсоветском пространстве было для России, если так можно выразиться, вынужденной неизбежностью. У нее не было в тот период ни времени ждать международных мандатов для «легитимации» своих действий по установлению мира, ни иллюзий, что конфликты на ее границах, в сопредельных странах, «рассосутся сами собой». Даже сегодня, не говоря уже о 1990-ых годах, РФ является единственным государством на постсоветском пространстве, которое готово взять на себя и может осуществлять сложнейшие миротворческие функции.

Именно в Южной Осетии Москва впервые на территории бывшего СССР выступила в качестве миротворческой силы. Многие апробированные здесь миротворческие механизмы были позднее успешно использованы Россией при урегулировании других конфликтов. Есть достаточно оснований утверждать, что российская операция по поддержанию мира в зоне грузино-осетинского конфликта была одним из первых в мире примеров многостороннего, комплексного миротворчества «второго поколения» [4], т.н. «расширенного» миротворчества [3].

14 июля вполне могла стать праздничной датой для России. Во всяком случае, она неоднократно называлась не так давно при обсуждении вопроса о том, какой день в РФ должен стать официальным праздником «голубых касок». Днем военных миротворцев России все же стало 25 ноября, когда в 1973 года советские военные наблюдатели впервые приняли участие в миротворческой операции под флагом ООН. Однако сам факт того, что 14 июля рассматривалось в РФ в этом качестве, свидетельствует о том, какой значительной

вехой является первая успешная российская миротворческая операция на территории бывшего СССР в новейшей истории не только Южной Осетии, но и России.

Список литература:

1. Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта // «Международное публичное право», Сб.док, т.1, М.: БЕК, 1996 г.
2. Романчук Сергей Игоревич. Миротворческие операции на постсоветском пространстве: концептуальные подходы»: диссертация...кандидата политических наук: 23.00.04 / Романчук Сергей Игоревич; [Место защиты: Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук]. Москва, 2014. 177 с.
3. Зверев, П. Г. Особенности современных миротворческих операций ООН / П.Г. Зверев. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2013. - № 11 (58). - С. 528-530. - URL: <https://moluch.ru/archive/58/8165/> (дата обращения: 10.07.2022).
4. Никитин А.И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование: Учебник. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С. 31-54.
5. Устав ООН (полный текст) [Электронный ресурс] - URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 16.09.2025).
6. Словарь международного права. Отв. ред. д. ю. н., проф. С.А.Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 495 с.
7. Findlay T. The use of force in UN Peace Operations // SIPRI. 2002. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/books/SIPRI02Findlay.pdf> (дата обращения: 05.09.2025).
8. Воробьев И.М. Миротворческие операции // журнал «Военная мысль» № 5/1994.
9. См. в частности: Соглашение «О дальнейшем развитии процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта и о Смешанной контрольной комиссии (СКК)». Положение о Смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта [Электронный ресурс] - URL: <https://tkhostov.ru/docs/detail.php?ID=1330> (дата обращения: 16.09.2025).

References:

1. Agreement on the principles of the settlement of the Georgian-Ossetian conflict // "International public Law", Collection of documents, vol.1, Moscow: BECK, 1996 .
2. Romanchuk Sergey Igorevich. Peacekeeping operations in the post-Soviet space: conceptual approaches": dissertation...Candidate of Political Sciences: 23.00.04 / Sergey I. Romanchuk; [Place of defense: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2014. 177 p.
3. Zverev, P. G. Features of modern UN peacekeeping operations / P.G. Zverev. - Text : direct // Young scientist. - 2013. - № 11 (58). - Pp. 528-530. - URL: <https://moluch.ru/archive/58/8165/> (date of reference: 07/10/2022).
4. Nikitin A.I. International conflicts: intervention, peacemaking, settlement: Textbook. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2017. pp. 31-54.

5. The UN Charter (full text) [Electronic resource] - URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (date of request: 09/16/2025).
6. Dictionary of International Law. Ed. by Doctor of Law, Professor S.A.Egorov. 3rd ed., revised and add. M.: Statute, 2014. 495 p.
7. Findlay T. The use of force in UN Peace Operations // SIPRI. 2002. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/books/SIPRI02Findlay.pdf> (accessed 05.09.2025).
8. Vorobyov I.M. Peacekeeping operations // journal "Military Thought" No. 5/1994.
9. See in particular: The Agreement "On the further development of the process of Peaceful Settlement of the Georgian-Ossetian conflict and on the Joint Control Commission (JCC)". The Regulation on the Joint Control Commission for the settlement of the Georgian-Ossetian conflict [Electronic resource] - URL: <https://tkhostov.ru/docs/detail.php?ID=1330> (date of request: 09/16/2025).